

Следующим утром ранней аудиенции во дворце не случилось.

Оно и неудивительно. Провести двое суток в удушающем напряжении вместе с императором и императрицей в главном зале дворца, пережить невероятные эмоциональные потрясения — после такого лишь законченный безумец мог проснуться на следующий день бодрым и полным сил, готовым к государственным делам.

К тому же правительство Великой Ци всегда славилось человеколюбием, цenia покой и давая чиновникам возможность перевести дух.

Еще накануне вечером Шэнь-цзун проявил неслыханное великодушие и пожаловал министрам целых два дня отдыха — по меркам их службы сущий отпуск. К тому же государь особо подчеркнул, что один из этих дней объявляется полным освобождением от дежурств.

А что это означало? Чистый отдых, без всякой необходимости нести караул или дежурить на посту.

Действительно, в династии Ци уже давно прижилась система скользящих выходных. Во время долгих празднеств, длившихся обычно дней семь, по-настоящему свободными были лишь день или два. В остальное же время чиновники разных рангов в каждом ведомстве были обязаны дежурить по очереди, дабы государственная машина не прекращала своего ровного хода.

И то, что теперь при двухдневных каникулах целый день полностью был освобожден от дежурств, считалось верхом императорской щедрости.

И вот в это благословенное утро, когда вся столица нежилась в постелях, наслаждаясь редкой возможностью поспать подольше, Ше Цзе вдруг совершил нечто неслыханное. Он рывком сел на своей резной кровати. До его ушей донеслись звуки, которых он прежде почти никогда не слышал: призыв к пробуждению от странствующих монахов, звон железных пластин и мерное чтение буддийских сутр. Ветер за окном шептал, что погода резко сменилась на холодную и пора бы накинуть что-нибудь потеплее.

Ше Цзе уставился в пустоту покрасневшими, воспаленными глазами, страстно желая выместить злобу на всем белом свете.

Справедливости ради, он так и поступил — но об этом чуть позже.

Сперва стоит объяснить, почему наследник Ше вообще соизволил подняться с постели в такую рань. Дело в том, что перед ним встал ребром один крайне насущный вопрос, а именно — обострившееся до предела противоречие между его священной привычкой спать до полудня и неумолимой оздоровительной функцией, заложенной в Небесном камне.

Сам Небесный камень гордо именовал себя [Руководством по выживанию в Млечном Пути]. Одно лишь слово «выживание» заставляло почуть неладное — тут и пресловутому утёнку Псайдаку не нужно было морщить лоб от натуги, чтобы понять: дело пахнет керосином.

— Утёнок Псайдак? — мысленно переспросил Ше Цзе.

— Некое вечно страдающее от мигрени уткообразное существо, — бесстрастно отозвался Небесный камень. — Весьма комичный персонаж, пользующийся огромной любовью у детей.

Этот булыжник оказался не просто каким-то заморским проводником по истории. Он нес в себе целый ворох беспардонных, навязчивых, словно сорняки, функций. Одна из них с завидным упрямством пыталась навязать хозяину железное здоровье, заставляя ложиться вовремя и вставать на рассвете. И что самое скверное — кнопки отключения у этой пытки не предусматривалось.

В первое утро после того, как Ше Цзе принес Небесный камень из монастыря Тяньнин Ваньшоу, тот вел себя на удивление тихо. Видимо, это была встроенная забота о больном, едва оправившемся от недуга. Но уже на второй день благочестивая маска была сброшена. Коварный паразит явил свой истинный, деспотичный лик. Он принялся безжалостно тиранить несчастного наследника, который теперь казался себе самым обделенным судьбой сиротинушкой на свете, и грубо переключил его устоявшийся суточный ритм.

И кошмар этот повторялся изо дня в день. Ни уговоры, ни угрозы, ни попытки договориться по-хорошему не возымели на проклятый булыжник ровным счетом никакого действия.

Стоило стрелке часов приблизиться к часу Тигра — ровно без двенадцати минут пять утра, — как в голове Ше Цзе взрывался оглушительный подъемный горн. Звук этот обладал такой неистовой пронзительностью, что, пожалуй, заставил бы восстать из гроба даже покойника.

Молодой наследник в очередной раз подскочил на постели, блуждая безумным взглядом по сторонам. Растрепанные вихры на его макушке стояли дыбом, а сам он в панике соображал, не настал ли конец света.

Конец света, разумеется, не наступил. Это было уже третье утро, когда Ше Цзе приходилось вставать с петухами. За эти дни он успел пройти все классические стадии: от ярости к глухому раздражению, затем к глубокой тоске, тупому безразличию и, наконец, снова к безудержному бешенству. Сейчас ему было глубоко плевать на планы проучить соседа, Фан Чаоцы. Единственным его желанием было разбить к чертям этот злосчастный камень. Вот только какие бы изощренные пытки Ше Цзе ни измышлял, проклятый булыжник оставался цел и невредим, непоколебимый, словно самый упрямый старый консерватор в императорском совете.

Стоило Ше Цзе попытаться сомкнуть веки и провалиться обратно в сон, как в его сознании вновь поднималась нескончаемая канонада трубных звуков, лишая всякой надежды на покой.

Глубоко вздохнув несколько раз и кое-как подавив непреодолимое желание расплющить камень молотом, Ше Цзе уныло смирился с суровой истиной: кто рано встает, тому и бог подает.

Старшая служанка Иннян ума не могла приложить, какая муха в последнее время укусила её молодого господина, однако преданно несла свою службу. Она просыпалась еще раньше Ше Цзе и по первому его зову являлась во главе целой процессии слуг. С сияющими лицами и четким шагом они приносили все необходимое для утреннего туалета, окружая наследника поистине царской заботой.

Заметив, что юноша повадился вставать спозаранку, Иннян распорядилась, чтобы на кухне с вечера томили на углях котелок с кашей. Рис разваривался до нежнейшей мягкости, источая упоительный аромат, а благодаря ежедневно меняющимся добавкам это нехитрое кушанье неизменно пробуждало в Ше Цзе аппетит и немного смягчало его суровый нрав.

Сегодня Иннян преподнесла ему кашу Хэчжи — по сути, густую рисовую похлебку с нежной рыбой. Для ее приготовления использовали знаменитую на всю страну вяленую рыбу из Тайчжоу. В котелок щедро добавляли пряные соусы, сычуаньский перец и кусочки соевого творога тофу. Это блюдо сочетало в себе изысканную свежесть южных речных даров и насыщенную остроту, столь любимую северянами. К тому же похлебка отлично укрепляла ослабленное тело и благотворно влияла на пищеварение.

Иннян с тихим восторгом наблюдала, как Ше Цзе, держа в руках изящную чашу из фиолетового стекла, опустошает ее до самого доньшка. Видеть сытого господина для нее было отраднее, чем наесться самой.

— Вот и славно, — зашебетала служанка. — Сам правый историограф Чжан в своем «Собрании трудов из Ваньцю» писал: «Всякое утро, восстав ото сна, съедай большую чашу каши. Польза от сего великая, ибо пища сия мягка, желудку любя и для утробы первейшее благо». Коли будете следовать сему правилу, молодой господин, непременно обретете крепкое здоровье и проживете до ста лет!

Люди Великой Ци знали толк не просто в яствах, а в искусстве сочетать трапезу с заботой о теле.

Идея о пользе утренней чаши каши принадлежала историографу Чжану, одному из четырех прославленных учеников великого таланта Су — того самого, что в свое время занимался обустройством Южного озера. Стоило этому мудрому совету увидеть свет, как его тут же подхватила благородная публика, а вслед за ней и простой люд. В народе это учение даже получило пышное название — «метод легкого насыщения Ваньцю», хотя, если говорить без прикрас, речь шла всего лишь о привычке завтракать кашей в правильное время.

По мнению же самого Ше Цзе, те, кто выдумывал подобные премудрости, либо повредились умом, либо просто маялись от безделья. Впрочем, этой хворью страдал весь ученый мир Великой Ци. В стремлении искоренить мздоимство щедрым жалованьем и опутать чиновников

взаимным надзором, казна породила лишь праздность и бесконечную бюрократию.

Даже покойный батюшка Ше Цзе, достопочтенный Ше Хэ, будучи на службе, целыми днями только и делал, что слагал стихи, писал картины, распивал чай да вел неспешные беседы о повадках домашних питомцев и секретах долголетия. Словом, занимался чем угодно, кроме настоящих дел, коих у него, по совести говоря, и не водилось.

Осушив чашу горячей похлебки и умывшись, Ше Цзе окончательно прогнал остатки сна.

Раньше, случайно встав пораньше, он после сытного завтрака немного бездельничал, а потом с чистой совестью заваливался спать дальше — блаженство, доступное разве что небожителям! Увы, с появлением Небесного камня подобные радости остались в далеком прошлом. Камень заставил Ше Цзе сначала переписать каллиграфическим почерком один из свитков отца, а затем выставил бедолагу в сад — выполнять комплекс каких-то невообразимо медленных телодвижений. Этот сумасшедший булыжник сам руководил тренировкой, бережно диктуя каждое движение и сопровождая процесс бодрой, бьющей по ушам мысленной музыкой.

«Если я прилежно выучу эти приемы, то смогу летать по воздуху, проваливаться сквозь землю и являть чудеса превращений?» — питал когда-то иллюзии Ше Цзе.

Небесный камень отвечал безжалостно:

«Нет».

«Ну хотя бы бегать по стенам и сокрушать врагов одним взглядом?»

«В твоих мечтах».

Ше Цзе возмутился:

«Тогда зачем мне махать руками, как дураку?»

«Это не боевое искусство, — авторитетно заявил камень. — Это второй и третий комплексы оздоровительной гимнастики для младшего и среднего школьного возраста. Они развивают дисциплину, укрепляют тело и несут в себе элементы детской хореографии. А ну-ка, повторяй за мной: "Час разминки каждый день — прогони тоску и лень! Станем крепче и сильнее, расцветай, страна, быстрее!"»

Ше Цзе лишь мысленно крутил пальцем у виска:

«Да ты совсем с катушек съехал!»

И все же, несмотря на ворчание, молодой наследник добросовестно выделял все эти диковинные упражнения вроде «Орленка, расправляющего крылья» или «Лучей радужного солнца». Каждое потягивание, каждый выпад ноги он совершал с такой яростной силой, словно пытался раздавить злосчастный булыжник в своей голове. Со стороны, впрочем, это зрелище — статный юноша среди живописных скал и журчащих ручьев — казалось на редкость утонченным и напоминало изящную картину искусного мастера.

Именно эту картину застал Фан Чаоцы, когда старый управляющий усадьбы вежливо проводил его в сад. Фан Чаоцы явился с поручением сообщить молодому Ше Цзе превеселую весть: отныне тот официально возвысился в семейной иерархии, став двоюродным дядей.

Каждая их встреча неизменно лишала Фан Чаоцы дара речи. Стоило ему взглянуть на юношу, как дыхание перехватывало, а разум туманился.

Ше Цзе резко мотнул головой, откидывая назад собранные в хвост длинные волосы. Мелкие капельки пота блестели на его гладкой, словно тончайший фарфор, коже. Даже гневный взор, которым он одарил гостя, так и лучился первозданной юношеской силой.

— Ты?!

«Да как у тебя только наглости хватило снова притащиться в мой дом!»

— Наследник Ше, — не дав юноше опомниться, Фан Чаоцы отвесил безупречный, исполненный благородства поклон. Его движения были легкими и естественными, а безукоризненная улыбка казалась столь совершенной, словно ее выверяли по линейке. Пожалуй, во всем поднебесном мире не нашлось бы мужа, к которому лучше подходило бы сравнение с чистым весенним ветром после грозы.

Ше Цзе пришлось нехотя изобразить ответное приветствие, после чего он сердито вскинул подбородок и с порога объявил:

— Я поднимаю плату за аренду!

Этот нехитрый трюк должен был вынудить незваного гостя убраться восвояси. Прием, конечно, старый как мир, но Ше Цзе уповал на его действенность.

— В два раза!

— Без проблем, — отозвался Фан Чаоцы на удивление легко и быстро. В его глазах даже промелькнула какая-то странная, необъяснимая радость.

—... Разве я сказал «в два»? — тут же пошел на попятную Ше Цзе, нагло задрал нос. — Я оговорился. В десять раз!

Но Фан Чаоцы и бровью не повел, сохраняя невозмутимость истинно великого человека. Не выказав ни капли сомнения при виде столь чудовищного подорожания, он лишь мягко кивнул:

— Договорились.

Ше Цзе едва сдержал рвущееся с языка проклятие.

«Да ты точно отъявленный мздоимец! Откуда у честного чиновника такие деньжищи, если он не гребет взятки лопатой?! Вот уж воистину — пора избавить народ от этого паразита!»

<http://bllate.org/book/19472/1986999>